

ГБОУ МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА
г. Москва

*Мемориальный музей Евгении Коваленко
(7 апреля 1980 — 13 октября 2000 гг.)*

«Вдохновение»

*Альманах
творческих работ учеников школы
«Литературный дебют»*

выпуск 20

2019/20 учебный год

КАРТИНЫ ЕВГЕНИИ КОВАЛЕНКО ИЗ СЕРИИ «ЖИЗНЬ...»

МЕЛЬНИЦА ЖИЗНИ, 1998

ЛАБИРИНТ ЖИЗНИ, 1999

МАСКА ЖИЗНИ, 1999

СВЕТОФОР ЖИЗНИ, 1999

Альманах «Вдохновение»

(выпуск 20)

*включает творческие работы учеников школы
«Литературный дебют»*

Составитель:

*Эльвира Александровна Арефьева
учитель русского языка и литературы
Заслуженный учитель России*

*А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображение,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта.*

А.С. Пушкин

Вдохновение... Его призывает и поэт, и артист, и учитель. Оно создаёт особую атмосферу, в которой рождается творчество: творчество учителя, создающего урок, и ответное творчество учеников. Только при таком условии формируется устойчивое желание постигать, узнавать, исследовать, тогда рождаются идеи, требующие воплощения на школьной сцене, в интеллектуальных играх, в творческих альманахах.

Ян Корчак писал: «Поэт - это такой человек, который сильно радуется и сильно горюет, легко сердится и крепко любит, который глубоко чувствует, волнуется, сочувствует. И дети такие». Дети – конечно же, поэты. И задача взрослых, родителей и школы, не дать «остыть душе поэта», побуждать к творческому поиску. В кабинете литературы нашей школы богатейший материал «пробы пера» юных поэтов. Стихи старшеклассников предыдущих поколений поражают воображение сегодняшних молодых людей, часто возбуждают желание попробовать себя в мире поэтических созвучий, выразить своё отношение к жизни.

В музее Евгении Коваленко, знакомясь с картинами автора, её опытами в публицистике и драматургии, телерепортажами, внимательные юноши и девушки удивляются тому, как в работах Жени странным образом совмещается яркая детская наивность рисунка с глубоким остро и жестко поставленным вопросом: «Зачем и как мы живем?». А философские и критические статьи Жени открывают для них глубокий мир **ВДОХНОВЕННОЙ** личности.

Читая, думая, размышляя, включаясь в творческий поиск, молодой человек начинает томиться «духовной жаждой», формирует в себе человека чувствующего и сочувствующего. Результатом творческого поиска и становятся альманахи юных поэтов.

Дай Бог любимых обнимать,
Не усомниться в лучшем друге.
Дай Бог вам видеть, понимать,
Чтоб не пропасть в житейской вьюге.
Дай Бог вам радости, мечты,
И совести, и укоризны.
Дай Бог небесной чистоты,
И дай вам Бог мгновенье жизни.

*АРЕФЬЕВА ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ РОССИИ*

ГРОЗДЕЙ РЯБИН ПЕЧАЛЬНЫЙ СОН!

Гроздей рябин печальный сон!
Золотом осыпанные руки...
Я, знаешь, вовсе не влюблён,
Лишь розы вянут от разлуки.

Лишь дождь опять-опять проходит,
И вены неба режет небоскрёб.
Пускай мне душу больно сводит,
Мой гром теперь не заревёт

Я так бегу безумно голый
По Красной площади души,
И там в тяжёлых клетках снова
Забытые оцеплены мечты.

Я сердцем пред тобой поник,
И в лужах вижу эгоистов,
Я ухожу опять в минорный лик.
Пою. Играю в скандалиста.

О, тот скандалил неумолчно
До последнего глотка.
Его душа была не прочна,
Оттого была мила.

Гроздей рябин печальный сон!
Золотом осыпанные руки...
И взглядов нежный перезвон
Доводят до хрустальной муки.

А в лужах, знаешь, небо голубей,
Опять иду я под дождём...
Но никогда не будешь ты моей,
Но никогда не будем мы вдвоём.

Фёдор Манишин.

ПАРК

Ты сказала, встретимся у парка,
Я бегу, держу букет.
И розы так сияют ярко,
Как влюблённый человек.

Я пришёл. Вот ты стоишь.
-Цветы...
-Не нужно.
Я молчу. И ты молчишь.
Ты цветочно-равнодушна.

Ты взглянула не с тоской,
Рукой махнула и улыбкой.
В парк ушла совсем пустой,
Словно с одинокой скрипкой.

Ты взглянула не с тоской –
Росой на пламенных ресницах,
В парк ушла совсем пустой
Походкой листьев золотистых.

Ты взглянула не с тоской,
Это я смотрел печально,
Как уходишь ты грозой
Туда, где всё первоначально.

Ты взглянула не с тоской,
Ты взглянула вдохновенно,
Как даль глядит проникновенно,
Когда ты путь не знаешь свой.

Это я, красивый и печальный,
Весь отдался в эту даль!
Туда, где всё первоначально,
Где начинается печаль!

Ты взглянула... Уходи.
Туда, где всё впервые,
Где начинаются стихи,
Как осень золотые.

Ты взглянула не сама,
Это я взглянул тобою!
Оттого дрожит моя рука,
Когда твоя передо мною.

Тишина!
Такая едкая, как тёмно-серая жижа,
Что даль невидна и пуста!
И сумрак мне глазницы лижет!

Ты взглянула на меня,
Да и я взглянул, не скрою.
Ты уходишь. И слова
На кудри капают листвою.

Ты уходишь не с тоскою,
Это я печальный гений!
На кудрях с красной листвою,
В плену у собственных сомнений.

Это я иду, когда ты докурила!
Один в пустыне чувств и вдохновений
Это я в ту даль смотрю постыло
Из самых чистых побуждений.

Это я шумлю листвою!
Чтобы ты хоть обернулась!
Отчего идёшь ты не с тоскою?
Отчего идёшь ты не со мною?
Отчего ни разу не споткнулась?

Это я шумлю листвою,
Сказать тебе опять пытаюсь,
В тот парк идёшь ты не пустой,
Идёшь немного улыбаясь.

Ты льёшься в парке не пустом,
Уже три раза содрогнулся гром!
И дождь тревожно нежил травы,
Асфальта мучил муторные нравы,
И вновь запел он о своём.

Он пел, как сладко виться
По аллеям осенним волос,
Как приятно по шее спуститься,
На ресницах оставив осколки гроз.

И куда же ты теперь идёшь?
Я вдаль твою смотрю безмолвно,
Из рук моих упала ложь,
Роз букет, промокший словно.

Гром гремит и листья льются!
В мокром золоте твой путь.
Как заставить душу обернуться,
Как понять, в чём твоя суть?

Ты идёшь красиво, нежно,
Листья кланяются в ноги.
Отчего же так безбрежно
Дождь грохочет по твоей дороге?

Ты иди, мой друг, иди,
Ты взглянула не с тоской.
Как зажгутся фонари,
Я пойду к себе домой.

Ты взглянула...
Счастлив я.
Значит две звезды сегодня
Зажглись специально для меня.

И я златой надену фрак,
Ты иди, мой друг, иди
В тот осенний мокрый парк...
Это парк
Моей
Души.

Фёдор Маншилин.

РУКА МОЯ ЛУЧИЛА СЛУЧАЙ

Рука моя лучила случай,
Желала падать на твою.
Дождями ты меня не мучай,
Это я и сам могу.

В паутине твоих локонов
Я задумался порой,
И вдруг, как ночью свет из окон,
Загорелся ангел мой.

Он летал с улыбкой чистой
Утром в музыке моей
И смехом нежно-серебристым
Бежал, как волны от морей.

Он женским образом священный,
Он нежным нежно сотворенный,
Внушил мне нежность и покой,
Но как мне быть теперь с тобой?

У рук твоих теряю смысл речи,
У ног твоих теряю чистоту,
О, вижу, гаснут наши встречи,
Значит я их снова подожгу.

Фёдор Манишин.

ВОРОБУШЕК

Наверное, она мечтает полететь.

Разноцветные резинки на концах двух косичек, блёстки на лице – прямо как сверкающие веснушки – пёстрый коричневый свитер. Воробушек, как есть. Тонкий приятный щебечущий голосок – приятное дополнение интересной внешности. Она при разговоре, при монологе устремляет взгляд вверх, туда, где потолок, окно, небо. Даже несмотря на препятствия, она их в самом деле не видит. Не видит ни потолка, ни стекла, ни оконной рамы. Она видит одно – небо. Чистое, синее, бескрайнее. Свободное.

Вот так смотришь и, кажется, – взлетит. Подойдёт к окну, распахнёт створки и упорхнёт. Слишком лёгкая, слишком невинная, слишком щебечущая. Воробьи – смелые птички. Смелые, наивные, не думаю, что их можно назвать глупыми, нет. Они умны. Просто слишком доверчивы. Маленькие пёстрые лёгкие птички.

Что с ней будет? Никто не может этого знать. Может, в самом деле полетит. Но нельзя забывать о том, что кем бы она ни была, люди всё же не летают. Наш мир не так устроен, чтобы каждый делал, что хотел. Чтобы каждый был свободен. Чтобы каждый летал. И она не исключение. Хотя... Кто знает? Может, в самом деле полетит.

Сидит, слушает музыку, читает. Что бы она ни делала – взгляд такой мечтательный. Даже если она сосредоточена. Всё равно где-то там, в самой-самой карей глубине скрывается то, что даёт ей надежду, даёт её глазам это сияние, маленький неугасающий огонёк, словно блёстки на её лице.

Как бы эти блёстки, словно пёрышки, не разлетелись по ветру.

Маленький пёстрый воробушек – один в этом мире. Они, конечно, обычно летают стайкой – маленькой такой стайкой – но этот, похоже, отбился от своих. И теперь сам за себя. Но она не боится, нет, ведь тот огонёк всё не даёт ей угаснуть, а этот мечтательный взгляд всё направлен в небо.

Анастасия Шушкова

ХМУРЮСЬ

Я хмурюсь каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Часто на меня смотрят с непониманием: почему он постоянно хмурится? Почему у него постоянно такое выражение лица? Это болезнь? Это следы его тяжёлой долгой жизни?

Но, конечно, люди обо мне очень быстро забывают. Меня можно увидеть где угодно: в метро, на улице, в автобусе или трамвае. Я хмурюсь, глядя в окно, на соседей или читая книгу. Такое, совершенно обычное лицо. И ведь никому в голову не придёт подумать обо мне потом, более подробно. Я более чем уверен, что выражение моего лица стирается из памяти, стоит человеку выйти из того транспорта, где он находился и потерять меня из виду.

Да, такой я непримечательный человек.

Но в чём на самом деле причина моего хмурого взгляда? Есть ли здесь что-то необычное? Стоит ли людям в самом деле уделять мне столько времени, сколько они уделяют, сами того порой не замечая?

Думаю, нет.

Я хмурюсь, читая новости. Разве здесь есть правда? Разве то, что сообщают нам газеты, верно? Разве можно улыбаться, читая очередную заметку о крушении дома, теракте или аварии? Разве можно иметь другое выражение лица, читая про то, как процветает наша страна и одновременно видя совершенно обратное за окном? Ни то, ни другое мне не нравится.

Я хмурюсь, глядя на окружающих. На тех, кто сидит рядом, вокруг, на тех, кто идёт по дороге сверху и на тех, кто спускается в подземелье. Они все одинаковы: спешат по своим делам, не замечая течения времени. Они не умеют ценить жизнь, как не ценил когда-то я. Они ещё слишком молоды, зелены, в какой-то степени даже глупы. Они – мы – те, которые, быть может, смогут открыть новый химический элемент или новый закон физики, но которые не осознают последствий до тех пор, пока они не обрушатся им на головы. Мне не нравится этот взгляд в прошлое, на себя прежнего. Мне не нравятся мысли о том, кем станут эти люди, когда станут старше. Мне не нравится думать о том, смогут ли они осознать то, что увидел я.

Я плачу, читая и видя, что происходит вокруг. Мне жаль всех тех, чьи судьбы ещё не определены или уже никогда не повернутся в иную сторону.

Я плачу, видя страдания людей, видя, что им некуда деваться из той мышеловки, которую для них заготовила жизнь.

Никто не видит, но я не хмурюсь. Я просто плачу. Просто плачу по всем, кого слышу, кого вижу, кого чувствую. По всему, что я сейчас осознаю.

Я просто плачу.

Анастасия Шушкова

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ

Сцена. Музыка обволакивает зал, проникая в каждый его уголок, в каждого сотканного из воздуха зрителя. Места никем не заняты, но, если присмотреться, можно увидеть множество затаённых лиц, скрытых эмоций. Можно увидеть всё, что захочешь увидеть. Что почувствуешь, находясь в этом зале и проникая в эту музыку.

Голос плавно разлетается по округлостям зала, ласкает каждые невидимые уши, будто обращаясь к каждому в отдельности и ни к кому вообще. Эти нежные звуки чаруют, расслабляют, влекут и просят вслушиваться, проникать в самую суть мелодии. И невозможно отказаться. Все слушают, затаив дыхание, не роняя ни звука, и в зале стоит полнейшая тишина.

Приглушённый свет расправляется, направленный на единственного исполнителя, покрывая его острыми складками юбки. Юбки нежно-розового света с мягкой тканью, сглаживающей концы и покрывающий основу сверху. Он стоит, спрятанный за этими слоями света, неприкосновенный. Стоит и поёт, исполняет свою единственную мелодию, единственную композицию, автором которой он стал. Единственную, которой он хотел бы поделиться в этих стенах.

«Я бы хотел вам представить... Нет, я бы... Я бы хотел с вами поделиться тем, что у меня получилось...».

Звуки всё крепнут, голос – насыщенный, яркий, настоящий.

«В общем, всем, что у меня осталось...».

Окутывает, рушит невидимые границы, открывает путь к свободе, просит, тянет вверх, заставляет возвыситься и покинуть этот зал, выйти за его пределы.

«Я хотел бы поделиться с вами всем тем, что у меня осталось».

Верные слова, наконец, подобраны. Звучат последние ноты, последние ласковые звуки, под конец убаюкивающие и очерчивающие невидимые уши. Это всё, концерт из одной песни на сегодня закончен. Он стоит в этом светло-розовом ареале, неприкосновенный, а зал взрывается неслышимыми овациями. Певец не трогается, лишь окидывает взглядом пустой зал, так гостеприимно и чувственно встретивший его, так полно впитавший все его чувства.

– Эй, размялся? Идём уже, пора в гримёрку. Скоро начнётся.

– Да, хорошо. Уже иду.

В последний раз окинув зал своим широким подолом, юбка скрывается, оставляя зал в сумраке.

Певец ещё некоторое время не двигается с места, но потом всё же разворачивается и уходит, смахнув с ресниц скупую, но полную чувств слезу.

Скоро начнётся. Зал будет полон, будет голосить, подпевать. Будут люди, будут операторы, снующие по сцене как тени, беспрекословно выполняющие приказания своего большого страшного хозяина – Темноты.

Скоро будут голосить и фотографировать, наслаждаться и скучать. Скоро будет всё, что он так ненавидит.

Анастасия Шушкова

Удивительно, насколько сильно зеркала меняют людей. Его глаза от слабого освещения казались тускло-серыми. И в их отражении до сих пор с треском распадаются стены империй и осыпаются осколки сожжённых мостов. При каждом новом крушении у него чуть дёргается уголок рта и дрожат ресницы. Он не знал, видно ли это людям, или это только его душа отобразилась на зеркальной поверхности.

Сколько бы времени не прошло, ему не становилось легче. Пепел скопившийся на руинах сдавливал лёгкие. Чёрный горький дым застилал взор и раздражал горло. Он не мог обойти свой собственный город и чувствовал себя чем-то мелким и незначительным, брошенным в ледяной океан одиночества. Он окружен железными прутьями стены равнодушия и замкнут в себе до судорог в пальцах. И всё равно идёт сквозь тяжесть слишком свежих воспоминаний и всё ещё тлеющих надежд в саже разочарования.

Невзрачное небо нависло над опустевшими улицами и безмолвными домами. Лишь шелестели выпуски последних газет, перекатываясь по тротуарам и проезжей части.

Черно-белые листы объявлений заполнили всё пространство стен, фонарей и остановок. И тихий монотонный голос радиоприёмников пробивался сквозь облака смрада.

Как долго бы он не сворачивал в лабиринтах бульваров и чертогах разума, он никуда не мог уйти. Он не мог сбежать от лавины, которая прочным канатом толщиной с нить, связывала его с реальностью. Стирая кожу на запястьях и бережно обхватывая шею, эта нить подчиняла его себе. Из каждой щели между кирпичами проникал до боли знакомый голос с явной усмешкой. И из каждой дождевой лужи на тротуаре на него смотрел один и тот же образ. Образ, о котором он мог бы забыть. И мог бы игнорировать все её слова, так туго затянувшие пути. Он мог бы избавиться от всего этого при желании, которого у него видимо не было...

Все уже привыкли, что он задерживает концерты, проводя время перед зеркалом в тёмной гримёрке. А ему самому ещё придётся привыкать отыгрывать нужную мимику перед выходом на сцену, чтоб не выдать на лице мысли о ней ...

...Рассказать тебе сказку, которой живу я и которую постоянно я вижу во снах? И пленённая путами тумана, просыпаюсь с дорожками слёз на щеках. Такими же призрачно-прозрачными с кристальным отблеском в лучах луны, как и все крыши города, где никогда не встретимся мы.

Я его выстроила сама, по образам твоих рассказов, по выцветшим фотографиям, поэтичным обрывкам строк и по собственным хрупким мечтам. И когда пишу тебе «спокойной ночи», отправляюсь гулять в наш город, который вовсе нам и не принадлежит. Я робкими шагами исследую каждую улицу, едва касаясь холодного асфальта босыми ногами. Дождь вымыл незаметные следы твоих кроссовок, хотя ты здесь и не проходил. Но я продолжаю идти за силуэтом, и хочется мне в нём узнать тебя. И он сливается с серыми бетонными стенами, у которых мы никогда не прощались. И он ускользает в стекла витрин, где никогда не отражались мы. Не видел тот кофейный столик с плетеным креслом в дальнем

углу, как мы смеялись, обедая вместе, и как сжимал ты руку мою. Ведь этого никогда не могло быть, чтобы мы вместе оказались в этом безлюдном месте, где со зданий облупилась краска и каждый столб фонарный словно вот сейчас угаснет. Эти узкие переулки моей души могут показаться одинокими и брошенными, а дворы-колодцы будут безысходностью души. Но таким этот фантомный город предстаёт лишь перед теми, кого не зовут в его сплетения переулков. Для тебя он всегда откроется с той стороны, где приглушённые нотки джаза перекликаются с мягким фисташковым мороженым в том маленьком уютном сквере, где мы с тобой никогда не будем считать звёзды. И ни одно созвездие, тебе не знакомо. Потому что это созвездия наших встреч в городе, где нас с тобой нет. Где цветы на полях и клумбах не знают твоих прикосновений, ведь ты их не срывал. Где карусели на детских площадках навряд ли вспомнят наши разговоры. И тонкий аромат твоих духов не останется на высохших дубовых листьях, которые я не собираю в растрёпанный гербарий. Где каждый дом помнит наше молчание, наши песни из плеера на двоих и наши взгляды, даже несмотря на то, что мимо дома этого никто не проходил. Этот город настолько далёк, что даже по картам его не обнаружить. Но настолько близок, что ничего не стоит там оказаться. Он настолько велик, что не обойти. И настолько мал, что каждый кирпичик кажется знакомым до боли. Насколько тесен, что не вмещает двух людей. А так просторен, что хранит миллионы чувств и воспоминаний. Я его выдумала сама, этаж за этажом, покрыв их черепицей из надежд. Я создала город любви нашей, без нас. Город, где я счастлива с тобой, хоть тебя нет...

...Я люблю астрономию. И меня вот всегда завораживал безграничный мир космического пространства с частой россыпью блестящих жемчужин-звезд. У каждой звезды своя история возникновения и своя линия судьбы. И много я знаю таких историй и наизусть перечислю даты рождения этих небесных самоцветов. Вот например, ноябрьский огонёк, самый яркий в своем архипелаге. Совсем юное, но уже значимое для вселенной создание. Оно порой принимает образ нежной девушки, таясь в толпе людей, что меркнут в её близи.

В длинных светлых волосах играет летний ветер, зарываясь в широких полях свежей пшеницы. А в сияющих глазах цвета спокойного холодного моря и дождевой воды тонули многие, не всплывая больше на поверхность. И мягкий голос с переливами млечных путей уносит каждого, кто его слышит за облачные завеса рая. И как положено любой звезде, она конечно, освещает небосклон. Ей стоит только улыбнуться, чтоб в тот же миг затмить луну и солнце. И разгадать сплетения её орбит так тщетно я стремлюсь все эти годы. Но всё что остаётся мне, любителю ночного неба, лишь издали смотреть на её блеск. И пусть тускнеет земной шар, она мне все равно милее всех на свете будет. И сколько бы не открывалось библиотечных дверей и книжных обложек, мне никогда не найти подобной звезды ...

...Осенней ночью затухающие фонари робко пробивались сквозь плотные тёмные жалюзи. Он касался холодного света озябшими пальцами и зарывал их жестковатые волосы, чтобы согреть. Он облокотился на спинку шаткого стула и оглядел своё рабочее место, где он больше копался в себе и своих мыслях, нежели действительно работал.

Настольная лампа с красным металлическим корпусом склонилась над его правой рукой, отбрасывая силуэт на стопку в углу. Высохшими листьями дуба и каштана сбились в кучу исписанные блокноты и смятые обрывки тетрадей. Последние лучи тепла отражались в кофейных разводах на пыльном столе.

Неровно поклеенные обои цвета пасмурных дождливых дней в октябрьском небе были завешаны кое-где потёртыми плакатами. Только он знал, что где-то под всеми этими слоями серых бумажных листов спрятаны такие же серые линии карандашных набросков и нелепых стихов с мрачным подтекстом. Подобные строки он теперь хранил за ярким свечением монитора. Уставший взгляд безуспешно цеплялся за только что написанные слова, но тут же терялся в их туманных переплетениях.

Сквозь строки всплывало знакомое имя из пяти букв, но он непрерывно вдавливал клавишу «backspace», избавляясь от него. Он снова попробовал вчитаться в собственные тексты, но уловил лишь пресную кору сырой осины. Опавшая хвоя колола сквозь грязные кеды и сгнившая трава тонула в слякотной размытой земле. В бескрайнем погибающем лесу он пытался зажечь жизнь, не угасающую в нём самом. Но над ним горело лишь мёртвое солнце настольной лампы и холодный свет фонарей.

Он выключил режущий глаза ноутбук и выдернул провод угасающей лампы. Комната погрузилась в тихий полумрак, который мог потревожить лишь свет холодных фонарей и настойчивое оповещение на телефоне.

«Если уходить от проблем, легче не станет»...

...С моих ресниц не осыпается пыльца и снег не пойдёт по щелчку моих пальцев. Но это не значит, что мне неподвластно создавать чудеса. Десятки тысяч людей ничем не связанных между собой, но собравшихся в одном зале, охватывает ярким пламенем. А когда-то давно я зажёл лишь свечку, осветив архивы исторических судеб и чьих-то громких мнений. Я в густой пыли, в непроглядной тьме сотни книг и мыслей пропустил сквозь себя. И в итоге весомая часть осела в моей жизни и из этих глав я сложил свой собственный путь. Свой долгий трудный путь из ада.

Долгий путь из подземных переходов. Из глубин и провинций через поиск себя.

Сменялись страны, имена, лейблы, коллективы. Сколько раз сменялись жанры и направления. Сколько раз я раздвигал рамки ограничений. И в конце я пришёл к собственному стилю и почерку, рождённому в итоге всех экспериментов, проб и ошибок.

И я могу создавать себе образ с любым именем и личностью. С манерами и повадками, внешним видом и поведением, абсолютно новыми, порой непривычными для кого-то. Но за масками и гримом сохранилось живое лицо. За эпатажем и отыгранной ролью по-прежнему душа простого человека. И какой-бы не стала подача, я останусь собой. С теми же посылами и идеологиями в моём творчестве.

И кем бы я ни был, в моих строках лишь я сам и мысли, которые я выражаю и которыми делюсь. Я не стремлюсь к просвещению толпы, не преследую целью народный ликбез. Я лишь ишу точки соприкосновения со своей аудиторией. Мои тексты подобны зеркалу, но оно выкрашено чёрной смолой, от того каждый в нём видит своё. И пока мне есть, что сказать, а людям есть, что разглядеть в сказанном мною, мы словно на одной волне будем связаны этим общением. И пока мои фразы продолжает множество голосов, моё имя не станет пустым звуком. Музыка наш общий пульс, проходящий насквозь электрическим разрядом. Разве это не чудо?

И я могу затушить сейчас свечи и уйти со сцены, но чудо, сотворённое мной, не растает, как ледяные узоры на окнах. Оно продолжит жить и вдохновлять людей вокруг. И когда то, что создано нами, вдохновляет других на создание... Разве это не чудо? ...

...Это было старое здание театра, в котором ставили и играли дешёвые драмы. Неприметный дом на углу бульвара. Он создавал его, казалось в прошлой жизни. Тогда не было огромного города вокруг, была лишь она и театр для неё. Театр, где они могли бы смеяться на дальних рядах, растворяться друг в друге и узнавать себя в влюблённых персонажах. Он никогда не признался бы о том, что долго подбирал именно блондинку на роль Капулетти. Он в пьесах воплощал желанья, выстраивал свои мечты. Он в жизни был прохожим, когда на сцене мог быть создателем. Но это было давно. Он не помнил уже тех дней. Он лишь увидел смятую афишу и не узнал свой последний спектакль. Он ведь и не предполагал, что вновь прикоснётся к холодным жёлтым стенам, который сам выкрашивал по субботам много лет назад. Но ничего кроме тех стен не осталось, а может и стены не раз сносили. Он не помнил, что происходило за кулисами, на каком месте она любила сидеть и в какой гримёрке он посвящал ей стихи. Он теперь не знал, что когда-то этот двухэтажный дом был его собственной вселенной. Он осенним вечером глухо шаркал кроссовками по сухому

асфальту и наткнулся на старый театр. Он ощутил в сердце соль морскую, что занесли ветры с востока. Он почувствовал непреодолимую связь с этим местом и остался дышать прошлым. Теперь он решил открыть своё ветхое прошлое другому человеку.

Он ненавязчиво, чтобы не напугать, вложил ладонь девушки в свою руку и повёл по узкому коридору. Он почти не дышал, почитая атмосферу святого храма искусств. Он почти не отводил взгляд от обитых бархатом стен, чтобы не смутить её. Он хотел бы всё сделать по-другому, дать ей время на размышление, позволить оглядеть вырезки из газет в рамках, украшавшие помещение. Но он чувствовал, что время его уходит, жизнь испаряется, так и не обретя нужных красок. Сорок первый, сорок третий, пятый. Он стремился к нужной комнате, почти не сомневаясь, что девушка следует за ним по пятам. Он впивался взглядом в цифры на дверях, считал секунды и уже сбился со счёта сердечных ударов. Он собирался открыть ей не просто подсобку, а впустить её в свой мир, полный разочарований и обид.

- Пришли, - коротко бросил он.

Его голос будто бы иссякал с каждой минутой. Он кончиками пальцев коснулся позолоченной ручки, надавил и легонько толкнул от себя. Через завешенное тюлем окно под потолком пробивалось осеннее уже холодное солнце. И его лучи падали на стеллажи и полки, чайные столики и кресла, ковры и серванты, сплошь забитые различной... «Винтажной дребеденью», как бы выразился директор, грустно качающий головой каждый раз заходя в комнату. Платки из сиреневого шёлка с утончённым цветочным узором волнами спадали с высоких шкафов. Сушёные тюльпаны и орхидеи были бережно вложены в томики Вальтера Скотта и Диккенса. Шитые из фетра куклы ручной работы, ювелирные изделия из бисера и несколько чайных сервизов девятнадцатого века были разложены на полке с фотоальбомами. Он видел в чёрно-белых карточках свои бессмысленные дни. Он повесил картину в той же цветовой палитре у фортепиано в солнечном углу. Ему легко давались клавишные, а вот испанская гитара так и пылилась, заставленная плетёным креслом. Он от чего-то не любил огня, но свечи тоже припрятал в ящике комода. Иногда он любил ловить тонкий запах парафина с ноткой надежд прошлого.

Ближе всего он держал к себе сундук из викторианской Англии с малахитовыми камнями в крышке. Но у него не было золота и хранил он там бутылки дешевого вина. Он обклеил стену анонсами и рекламами, изображениями из старинных журналов и собственными эскизами. Он создавал из различных клочков бумаги тот мир, в котором хотел бы жить. Он наполнял его образами из своих мыслей и жил в каждом пёрышке на шляпе, в каждой нити кожаного браслета, в каждой завитке кружевной скатерти.

Он несколько лет приходил в рассветном часу, клал перламутровую ракушку на деревянный подоконник и молча покидал здание. Но он брал вещи с памятных мест из памятных дней. В стеклянной коробке на тумбочке у окна он хранил кулон с крохотным космическим пространством внутри, а в альманахе современных пьес лоскут вечернего платья. За старой трубкой отца и серебряной серьгой брата он особо не следил, но ощущал их зловонное присутствие в этой комнате. Он пару раз задумывался о том, как запечатлеть юную девушку, но заколки ему было недостаточно.

- Оставайся со мной.

Он сдёрнул шаль, отчего комната заиграла бликами воспоминаний. Полумрак по-прежнему охватывал большую часть, и он предложил ей стать той, кто принесёт в это место золотистый свет. Он поднял выпавшую жемчужину с ковра и прикрепил в нишу чехла для флейты.

- Мне не хватает именно тебя.

Неприметный дом на углу бульвара. Старое здание театра, где они стали участниками дешёвой драмы ...

...Те вечера имели привкус сладкого арахиса и полусладкого красного вина. Карамель возвращала в детство, алкоголь напоминал о тоскливом настоящем. Она отскребала ногтями этикетку с чёрно-белым унылым пейзажем, как в тех фильмах, что Она смотрит после

полуночи. Бутылка уже пустовала, и Она заваривала себе чай. Зеленый, без сахара, с ароматом лайма и свежести грядущих дней. Она забиралась в кресло с ногами, прижимая кружку к груди, и считала звезды в окне за своей спиной.

Она ложилась утром на несколько часов, а потом вставала и ставила кофе. Крепкий, зерновой с нежными сливками. С горечью расставаний и сладостью встреч. Больше всего на свете она любила кофе с привкусом жизни и ноткой корицы...

...В её словах капель звенела, и проплывали облака, чуть задевая небесные замки. В её глазах блестели полосы радужного обруча, залитые мягким солнечным светом. В её мечтах тает клубничный пломбир и карамельные реки выходят из берегов. Она такая хрупкая и лёгкая, вся соткана из щебета птенцов, усыпана сахарной пудрой и лепестками роз. Она глядит на мир в пастельных тонах, смеётся тонким голоском и весело поёт. Поёт о том, как рада, что живёт на свете и может бегать босиком в реке и в поле. Она любит карусели и тёплое молоко с овсяным печеньем.

А я люблю её, ведь с ней рядом начинаю любить жизнь ...

...Да, это мои сумбурные мысли, и они переплетаются в серебряных сетях паутин. Их сметают шваброй и тряпками, считая мусором и пылью. Я вновь в углу вытягиваю нить и снова узел завяжу у края, чтобы не забыть о важном. О чём-то цвета заходящего солнца с кроваво-багровым отливом. Возможно, ради этого и стоит жить.

Ради цветного блеска в твоих узорах. Даже покрывшись пылью и забившись в угол, они будут мерцать при нужном свете. Если их коснётся мягкий луч утреннего счастья. Если их не спугают раньше рассвета. Если они не родились во тьме, где живут до сих пор. Если всё сложится, как должно, то одна из тонких линий полотна наверняка должна слабо сверкнуть, подобно далёкой звезде. Она загадает желание, даже не смущаясь звёзд в паучьем закутке. Она поверит в этот свет, примет его за настоящий. Она коснётся мизинцем звенящих перипетий и ещё больше их затревожит. Но полупрозрачный комок вдали станет чуть меньше, растаяв под её теплом. А кто она такая? А это не так уж и важно. Важно, что она здесь, она рядом. Я не запомню её лица. Я запомню лишь вздох восторга и робкое движение руки. Она приблизится заворожённо и полностью увлечётся моим лабиринтом. Я не то, чтобы её погложу, я предложу ей зайти в паутину. Разобрать какие-то узелки, не развязать, а лишь подумать. Я даже не прошу её всё это принимать, я прошу не отвергать всё сразу. Хоть один колосок унесёт она в нагрудном кармане. Он засохнет и так и останется трухой на дне, ведь она не вытряхнет свой вельветовый синий пиджак. И разносясь трухой по жилетам, расплетётся моя паутина. Я останусь одна в углу, выдохну и начну в очередной раз сначала. А вообще, ты сказал всё верно, это сырые сумбурные мысли, они сплетаются в никчёмный клубок. Но возможно, кто-то в клубке разглядит Кассиопею ...

...Она как-то очень легко ходит по краю моста, не глядя вниз. То ли она знает, что не может упасть и мир этот её не посмеет забрать. Она исчезнет на половине пути, лишь выронив из светлых русых волос полевой цветок. Даже он бесследно растворится в мрачной реке. А возможно, она просто не хочет думать о моменте, который будет после. Для неё не существует ничего кроме настоящего, и она была невероятно увлечена им. Её неестественная легкость едва не граничила с беззаботностью и наивностью. Но в то же время выделяла её среди серых тонов неба, асфальта и тысячных курток уставших людей. Она слишком легко и непринуждённо дошла до конца моста, мягко спрыгнула и улыбнулась прохожим. В её улыбке отблескивали серебряные ленты, вплетённые в небрежные косы. И она вновь легкой поступью шагала среди потока машин, даже не оборачиваясь на гудки и визг тормозов. Но никто не обратил внимания на тонкую полосу света, что она оставляла за собой, словно путеводную нить...

...Она прошивала вены красными нитками, чтоб смочить эти нити солёной водой из багряных морей. Чтоб наглядно виднелась пульсация истерзанного сердца. Чтобы вживить в свою сущность яркий элемент. Она колола об иглы нежные пальцы, обжигалась кровавым ручьём, но вновь и вновь возвращалась к запястьям, чтоб стать сшитой куклой без чувств.

Она вместо глаз вставляла стёкла. Зелёные от пивных бутылок и голубых с кондитерских витрин. Они будут блестеть в лучах солнца, фокусируясь будто в линзе очков, они бы сверкали снаружи, прожигая её душу насквозь. Она разрежет себе весь череп вдоль, чтоб глаза стекали по щекам, лишь ради того, чтоб стать игрушкой с пустым взором без отражения мыслей.

Она набьёт себя белой ватой, пропитав её в горьких духах. Она вывернет себя наизнанку, до онемения в руках будет переделывать себя изнутри. И тонким швом закроет всё в себе. А в вату можно вонзать кинжалы, спицы, ножницы и осколки любви. Вата молча бы впитала кровь, но у ваты не бывает ран. И она многое преодолит, чтобы стать ватой, что не чувствует боль.

Она сделает сердце из губки. Ярко синей под цвет дождя. Чтоб, когда оно наполнялось, выжимать его в жёлтый таз. Чтобы гниль в нём не задерживалась и проще было отпускать. Чтобы в нём не таилось обид, чтобы рыдать по ночам не пришлось. Она с мясом отдирает орган и бросает небрежно на кафель.

Бессердечная, но бесполезная кукла, перекроенная из человеческой боли. Она тихо упала на пол, ничего не почувствовав боле...

Анастасия Астрцова

ЗАКРОЙТЕ ДВЕРИ

Закройте двери!
Не вынести света,
Которого, с избытком выплеснув,
Занесёт ко мне ностальгия
От того бесконечного лета,
От зимы осиплой,
Провозгласивших одно только
имя.
Я отдаю воспоминания
Потихоньку.
ОНИ приходят ко мне
Чувствую.
Кто-то обделяет меня вниманием -
Я становлюсь параноиком.
Как только остаюсь наедине с НИМИ,
Внутри, как в консервах,
Пусто.
ОНИ вылезают из платяных шкафов,
из-под кроватей.
И везде эти чёрные щупальца.
Стоит вам открыть дверь -
ОНИ и вас захватят.
А что "Реальность"?
Реальность - глупая иллюзия...
Шорох!

Повсюду шорох.
Закройте двери!

Я понемногу вспоминаю...
На пьедестал победы выгружают порох.
Но кто же это?
Звери?!
Зачем им прятать тайные желания?
И вдруг спадает пелена,
Скрывавшая их лица,
Их поступки.
Я вижу мир:
он опрокинут на глянцевые спицы.
И на минутку
Они захлёстывают небо
Полегоньку.
Эти пустые стержни.
Отколотых зубцов в их шестерёнках
Не могут починить холёные миллионеры.
Эй подонки!
Закройте мои двери с той стороны!
Мне наплевать!
Зачем в окно мне светят?
Пусть первыми вас заберут ОНИ:
"Куда налил помой, оттуда не достать".
Опять один.
Опять за головой моею чёрная дыра.
А за окном
Так много одинаковых дубин,
И их фальшивым тембрам нет числа.

Материальность отступает...
Но где же твоё имя
Посреди вскопанных могил?
Закрыты двери разума,
Но не закрыл
Заслонку я от дыма
Чужих небес -
Он повалил и задушил

В безумном сне
Моё заманчивое "Я",
Он не воскрес.
Туманный пепел обволок меня,
За ним лишь потные лесные спины.
По карте...
(Но был бы тот, кто её взял).
Я по колено в самые трясины
Вонючей жизни заберусь
В холодном марте,
Чтобы найти тебя.
А ночью тёмною они,

Передвигая заскорузлые конечности,
Переплетаясь, приплетаются.
Закрывать меня - их цель;
Игры своей им не постичь.
На бесконечности
Систем вопросом я задался,
И вдруг увидел силуэт!
Но нет...
Я обозначился,
И это не она.
Ну вот опять!
Ну почему не вижу я тебя?
Ну почему я не могу тебя рукой достать?

Алексей Первушин

ИНВЕРСИЯ

Волосы – мягче хлопка, кожа – ветерок по телу. Она так легка и воздушна... Словно я встретил ангела. Она прекрасна. Она – та, кого я искал всю свою жизнь.

I

– Привет, как проходит жизнь без меня?

– Скука смертная.

Она улыбается, припадает к моей руке, прижимая её к своей мягкой, тёплой, живой груди. Я всё не могу налюбоваться: светлые волосы удерживают лёгкий ненавязчивый венок из полевых цветов.

Где она умудрилась достать его в городе? Но спрашивать, конечно, бесполезно – она лишь посмеётся и не ответит.

– «У девочек ведь должны быть свои секреты?».

Да, конечно, они должны быть у каждого. Что ещё я могу ей сказать? Только лишь улыбнуться.

Может, у неё своя маленькая оранжерея. Может, она срывает их каждое утро с луга из другого мира, где вечно царит весна. Моя рукодельница...

Весна чудесна. Весь мир оттаивает, поднимается ото сна, цветёт новыми красками. И она, моя кудесница, тоже распускается, как цветок. Она благоухает, как никогда, она вливает в меня желание жить и наслаждаться тем, что я живу. Она заменяет мне воздух. Без неё невозможен мой фотосинтез. И сейчас, идя с ней по лениво шелестящей аллее, я убеждаюсь в этом с каждым шагом, с каждым вздохом, с каждым словом или взглядом. К ней я привязан, как не привязан гравитацией к земле. Слишком сильно. Моё сердце будто соткано из тысячи, миллиона нитей, каждая из которых тянется к ней, обволакивает её, погружая в мягкий шёлк моих мечтаний, надежд, выдумок и замыслов. Я – её марионетка. Но разве это плохо, если я не против? Сейчас ласково светит солнце, освещая её светлую, покрытую будто нимбом из цветов, голову.

Озаряет нежную улыбку её тонких губ, снисходительно прищуренные глаза. Её белое, с цветами, лёгкое платье колышется на ветерке, порой оголяя стройные гладкие ноги чуть выше колена. Но это не порочит её, нет. Почему же? Её одежда легка и светла, она не открывает ничего лишнего, но и не скрывает прекрас.

Она идеальна.

Стоп. Я останавливаюсь, не в силах сделать больше ни шага. Сердце болезненно сжимается, стучит неверно, не так, и мир меняет свои цвета. Она... Чёрное платье, цветы – пятна крови в чёрной дыре. Она скалится. Она смотрит зло, как демон из другого мира. Цветы – гниль, но они крепко засели в волосах, ставших на вид не приятнее соломы.

Я хватаюсь за грудь, чуть нагибаюсь. Такое уже бывало, ничего страшного... В последнее время меня порой мучают такие приступы, но я не подаю виду, что беспокоюсь. Не стоит волновать её из-за такого пустяка. Её...

– Милый, с тобой всё в порядке? – беспокойный взгляд, суетливые жесты.

Она помогает мне встать и придерживает, прижимаясь, боясь, что болезнь согнёт меня обратно.

– Всё хорошо, просто немного прихватило, – улыбаюсь я, стараясь заверить её, что всё в порядке.

– Ну сколько раз мне нужно тебя просить? Сегодня же запишись к врачу, так дело не пойдёт! – злится, но это от беспокойства.

Она никогда не злится. Не может. Я лишь мягко улыбаюсь ей в ответ, говорю, что врач прописал таблетки, и я их принимаю. Это скоро должно подействовать. Но у мальчиков ведь могут быть свои секреты, так? Да, я ходил к врачу. Но от прописанных таблеток мне становится только хуже, я не могу их пить. Так что пока буду обходиться так, приступы вроде бы даже и не усиливаются. Да и с чего бы? Я не курю и не пью, веду здоровый образ жизни. Она немного дуется, но мы всё равно продолжаем прогулку: боль отступила, так что я готов на новые подвиги. Ради неё... Ради неё я готов на всё.

II

– Ты разве не понимаешь?! Она же погубит тебя! Она не идеальна!

– Что за чушь ты несёшь? – отмахиваюсь я и чуть усмехаюсь, хоть раздражение липким комком подступает к горлу. – Она та, которая мне нужна. Я понимаю, что сколько ни буду искать, больше такую нигде не найду.

– Она водит тебя за нос, а тебе дальше него видеть и не нужно! Ты просто пёс в её руках, ручное животное, не способное открыть глаза на мир!

– Хватит, это всё ложь! Я всё прекрасно вижу и прекрасно понимаю, – более раздражённо отвечаю я; сил уже не хватает.

– Да сними уже свои очки! Посмотри на ту тварь, которая скрывается за этим милым личиком!

– Не смей так про неё говорить!

Я вскакиваю со своего места, перед глазами – пелена. Набрасываюсь на мужчину, который, не выдержав такой нагрузки, тоже спрыгивает со стула на напряжённые ноги. Хватаю его за шиворот, прижимаю к стене. В руке – блестящее остриё ножа. «Когда я успел его схватить?».

Я уже готовлюсь легко ввести лезвие в податливую плоть, но тут пальцы сводит судорогой, и рукоятка выскальзывает из миглом вспотевшей ладони. Хватаюсь за сердце. Снова. Мир – перевёртыш, и я смотрю на человека в белых одеяниях. Мои руки – кровь, его – солнце. Я падаю на колени, не могу так больше стоять. А он будто и не собирается злиться за то, что я сделал. Его ладони... Они излучают и свет, и тепло. Хм, вроде он всегда казался мне не самым приятным человеком, хоть мы и продолжили общение.

«Кстати, а как мы познакомились?».

– Эй, эй, ты осторожнее... С этой штукой ты явно погорячился. Да и я, наверное, тоже.

В общем, ты... Не доверяй тому, что ты видишь.

Он хлопает меня по плечу, помогает подняться. Кладёт нож на стол, поправляя чёрную футболку, и, наскоро попрощавшись, покидает мой дом. Хм, очень странно. Обычно наши диалоги не заходили дальше каких-то обычных житейских тем. Он не казался мне тем, с кем можно поговорить на какие-то философские темы. И вот тебе поворот... Но каждый из нас имеет право на индивидуальность, за что мне его винить?

III

– Доктор, доктор, с ним всё будет в поря...?

– Н..... состояние очень тяжёлое.

Моё сознание то проваливается, то всплывает наружу. Я - то глубоко под водой, то на самой поверхности, но это не помогает мне толком разобрать речь и образы. Она... Белая, чёрная?

Врач... Пойдите, у него что? Коса в руке?

Меня куда-то везут на каталке. Судя по всему, в операционную. Всё так дико смешивается вокруг... Весь спектр цветов, всё меняется, возвращается обратно... Я уже не могу разобрать, что было, что – кажется. Ох... Скорее бы мне сделали операцию, уверен, после неё мне станет намного, намного лучше.

«Почему я в этом так уверен?».

Меня переключают на операционный стол. Она остаётся там, за дверьми, а я – в месте, где моя жизнь висит на волоске. Врачи... То врачи, то создания Преисподней, пришедшие по мою душу. То инструменты, то косы – что со мной, доктор? Неужели я так сильно болен?

Глубокий вздох. Я вскакиваю на кровати, резко подаваясь корпусом вперёд. Тяжело дышу, пот так и струится. Солнце... Странно, может, ещё ночь? Хотя, судя по звукам, все уже давно начали будничную рутину. Я протираю глаза руками и слышу приятный, лёгкий голос, доносящийся откуда-то из глубины квартиры. Конечно же, с кухни. Конечно же, это она, моя любимая. Я потягиваюсь, улыбаюсь, что может быть приятнее утра в компании любимого человека.

Поднимаюсь, иду по дорожке, оставленной любимым голосом и неповторимым весенним ароматом. Хм, цветы стоило бы поменять, похоже, они отслужили свой срок.

– Дорогая, не поверишь, какой странный сон мне приснился!-

Я захожу на кухню, собираясь обнять её...

– Да? Интересно, какой же? Расскажи-ка мне... Она оборачивается, улыбаясь... Нет, скалясь. Она – чёрное платье, цветы – пятна крови. Она – гниль в волосах. Она... Она моя инверсия

Анастасия Шушкова

ЕВГЕНИЯ КОВАЛЕНКО

«ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ»

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

*...Идет листопад. На скамейке сидит мужчина 35-40 лет и кормит голубей.
По аллее идет девушка. Подходит к нему.*

ОН: Вы ко мне?

ОНА: (бежала, шла быстро и вдруг подошла к нему): Я, вообще, опаздываю, у меня зачет по астрономии, но почему-то я остановилась, почему?

ОН: Откуда же я знаю?

ОНА: Мне дальше идти?

ОН: Вы же торопитесь?

ОНА: Извините (идет, возвращается). У меня тоже есть булка для голубей. Возьмите.

ОН: Любовь и голуби. Покормите их сами, если хотите, конечно.

ОНА: Почему вы не удивились, что я подошла?

ОН: Сил нет удивляться. Удивишься, а потом хочется узнать, что, да почему.

Зачем? Старые удивления распутать никак не могу. Не смотрите вы так.

Не удивляйтесь. Вы, просто, открытая девушка и можете совершать такие поступки.

ОНА: Какие – такие? Я же вас не компрометирую.

ОН: Чуть-чуть. Перед голубями.

ОНА: Главное, не перед любовью. Можно я останусь?

ОН: Вы уже остались. Мир, ну и я, как его часть, разрешительный механизм, а запретительный должен быть внутри вас – от этого никуда не деться.

(Они вместе кормят голубей. Он встает и машет ей)...

Евгения Коваленко

ЦИТАТЫ ИЗ РАССКАЗОВ И ПЬЕС

В этой жизни мужчины стоят перед образами, женщины стоят перед мужчинами.

Сказка длится пока не уснешь. А на утро другой день и другая сказка. И хочется узнать, неужели утро уже наступило.

Что такое счастье? – Счастье – это когда есть кому сказать «Привет!»

У человека есть время – одна долгая-долгая нота, а барабан – он отсчитывает время, напоминает, что и его у человека недостаточно.

Неважно как долго длится пьеса в театре, главное – насколько хорошо она сыграна.

Если у человека с юмором все в порядке – то можно говорить с ним серьезно.

Миг - или 3 часа – или даже вся жизнь, она, между прочим, может пройти мимо.

Притча насчет «довольно» из мультфильма о золотой антилопе. Почему золото превратилось в черепки... - просто султан сказал «Довольно!»

Искусство не перерождает человека. Оно дает ему один миг – он может им воспользоваться, а может – нет. Вне искусства жизнь тоже прекрасна. Это даже ещё один вид искусства – жизнь без него. Просто так – среди сосисок и классных журналов и компьютерных игр.

А Большой театр он будет, даже если ты не придешь.

Мы живем в мире, где каждый сам создает себе календарь событий, которые будут с ним происходить, выбирая из миллиона личных и общественных драм, комедий и трагедий.

Евгения Коваленко

ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА ПО БИОЛОГИИ «СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ» (1993 Г.)

АНОНС

Диктор телевидения:

«В эфире передача из серии «Сердце не камень»

В передаче примут участие известные ученые, и вы увидите различные сюжеты из жизни сердец».

Режиссер – ученица 9 класса «А» средней школы №1269 Коваленко Евгения

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ ПЕРЕДАЧА «СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ» (не по А.Н. Островскому)

ВЕДУЩИЙ: По многочисленным заявкам телезрителей сегодняшнюю передачу мы начнем с прямой трансляции ученого подиума, участники которого представляют собой две команды: «Холодное сердце» и «Горячее сердце».

КОРРЕСПОНДЕНТ: Ученые из общества «Холодное сердце» полностью согласны с Гауфом. Их основной тезис: «сердце ничем не отличается от других органов человека». «Горячие сердца», само собой, не согласны. Сейчас на трибуне выступает кандидат наук, известный сердцевед С.Е. Рдце.

С.Е. РДЦЕ: Сколько разговоров и споров было о сердце во все времена! Но о сердце всегда говорят, как о живом существе. Хотя бы взять пословицу – «сердце сердцу весть подает», или фразеологический оборот – «сердце бешено билось»! Сколько понятий вкладывали мыслители и философы в слово «Сердце». Вот, например Достоевский, — «пробить сердце» — воспитать в человеке нравственность.

РЕКЛАМНАЯ ПАУЗА

Покупайте помаду фирмы «Сердцеед», и у вас всегда будут губы сердечком!

ВЕДУЩИЙ: Думаю, комментарии излишни. А сейчас – очередная серия любимого всеми фильма «Сердца тоже радуются», 1370-я серия.

В кадре сердце. В начале сокращаются предсердия. Створчатые клапаны открываются, полулунные закрываются.

Продолжение следует...

ВЕДУЩИЙ: Наша передача решила сделать сюрприз поклонникам телесердцеала. Мы пригласили главного продюсера и режиссера Крово Обращеньевича Природина. Как говорится, принимайте близко к сердцу.

ПРИРОДИН: Положа руку на сердце, у меня не лежит сердце к сердобольным телесериалам, но как-то в сердцах я с сердцем вырвал из сердца эту неприязнь. В конце концов такая тема, как познание человеческого сердца, никого не оставит бессердечным. Согласитесь, ведь берет за сердце?

ВЕДУЩИЙ: Нельзя не признать, Крово Обращеньевич, у вас просто золотое сердце. Вы способны создавать настоящие шедевры.

ПРИРОДИН: Мне остается только скромно улыбнуться.

ВЕДУЩИЙ: Улыбка – веселость сердца, Крово Обращеньевич. Мы очень рады, что наша передача пришлась вам по сердцу. От всего сердца желаем вам продолжать ваши «сердечные» дела. Мы вернемся в студию после небольшой музыкальной паузы.

Звучит песня :

...Так соединились детские сердца!
Так узнала мама моего отца!

ВЕДУЩИЙ: А теперь наша любимая рубрика «Говорит сердце»

(читает): «Сердца их соединились в одном биении».

Наверное, вы встречали эти слова?

Многие писатели брали эту фразу на вооружение: Майн Рид, Дюма, Диккенс, Коллинз и другие.

Так что сердце не камень!

Ведь оно может уходить в пятки, обливаться кровью, выпрыгивать из груди и делать разные физические упражнения и процедуры.

Кстати, одна из наших телезрительниц спрашивает, что означает «у человека нет сердца»?

Ответ очень прост. Этот человек скорей всего женат, т.к. на церемонии бракосочетания новобрачный отдает невесте руку и сердце.

И закончить нашу передачу, я думаю, надо изречением Байрона: «Если уж заблуждаться, пусть это будет по велению сердца!».

Евгения Коваленко

ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КОВАЛЕНКО

Родилась 7 апреля 1980 г. в Москве. В 1996 г. окончила с золотой медалью школу №1269 (теперь ГБОУ Московская международная школа) г. Москвы. Выпускница МГУ им. Ломоносова (факультет журналистики). Знала немецкий, английский, чешский и испанский языки. Работала корреспондентом программы «События» (ТВ Центр, Москва). С детства интересовалась драматургией и живописью, посещала мастер-класс в Российской академии художеств. 13 октября 2000 г. погибла в автокатастрофе. Похоронена в г. Таррагона, под Барселоной, Испания.

С октября 2000 г. – многочисленные выставки картин в России и за рубежом (Франция, Испания), в том числе в Московском музее современного искусства (Петровка, 25), в музее Эклибриса, Испанском центре, институте Сервантеса, галереях Интерколор, «Акварин», «Садовое кольцо» и др. Образ Евгении запечатлен в портретах народных художников России Ильи Глазунова и Игоря Обросова, французский художник Г.Юон-Эргин посвятил ей свою выставку «Новое путешествие Евгении». Пьеса Евгении Коваленко «История болезни любви» представлена на театральных сценах (с апреля 2002 г. – Центр В. Высоцкого, реж. Р. Сотириади), Иркутский молодежный театр «Лики» (2007 г.). Спектакль – дипломант 3-го Международного фестиваля «Театр детства и юности-21 век» в Воронеже (октябрь 2003 г.), Международного театрального фестиваля молодежных театров (Пфорцхайм, Германия, 2007). Картины Евгении представлялись на ежегодном Международном фестивале «Август» памяти поэта Ильи Тюриня (Москва-Пушкинские горы) – август 2004-2014 гг.

2006 г. - Мемориальный музей Евгении Коваленко «Вечные 20 лет» получил сертификат о соответствии статусу «Музей образовательного учреждения» правительства Москвы – департамента образования. Изданы книги-альбомы, посвященные творчеству Евгении.

Книга «Евгения Коваленко. Вечные 20 лет» внесена в каталог Библиотеки Конгресса США (№ 2005371706), пьеса «История болезни любви» переведена на немецкий язык.

Адрес школы: 111401, Москва, 3-я Владимирская ул., 26А.
Телефон: +7 (495) 305-70-20

Сетевые ресурсы, посвященные Евгении Коваленко:

<http://www.evgenia20.ru>

<http://sch1269v.mskobr.ru>

<http://www.netslova.ru/kovalenko/>

<http://eugenia-k.chat.ru>

<http://www.artinfo.ru>

ЕВГЕНИЯ КОВАЛЕНКО. ЭСКИЗЫ ИЗ СЕРИИ «ТАНЕЦ», 1999

ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ

ИЗ ЖИЗНИ МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ШКОЛЫ

